

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Вопросы
истории, международных отношений
и
документоведения

Сборник трудов студентов и аспирантов
исторического факультета

Под редакцией профессора В.П. Зиновьева

Издательство Томского университета, 2005

4. Проблемы историографии

А.В. Юшников

Великая Французская революция в общественной жизни России второй половины XIX века

В России Великая Французская революция вызвала пристальное внимание уже в конце XVIII в. Живой отклик на события во Франции можно увидеть у А.И. Радищева, Н.М. Карамзина, далее у декабристов, А.С. Пушкина, А.И. Герцена и других авторов¹. Но особенный интерес эта тема вызвала во 2-й половине XIX века.

В эпоху «великих преобразований» отечественная интеллигенция пыталась сравнить российский опыт преобразований с опытом зарубежных стран, в первую очередь стран европейских. В нашей стране в 60-х гг. XIX в. стали формироваться группы сторонников реформистского и революционного пути преобразования общества. Естественно, ни те, ни другие не могли пройти мимо такого знакового события как революция во Франции 1789-1794 гг., которая для тогдашних историков и публицистов значила примерно тоже, что и революция 1917 г. в России для исследователей истории XX в.

Проблемой изучения Великой Французской революции на серьезном уровне первым занялся крупнейший российский ученый, представитель «русской школы» историков, В.И. Герье². Для него главным было изучение политической истории Франции, истории формирования и деятельности политических институтов накануне и годы революции³.

Дальнейшие исследователи Французской революции обнаружили более глубокое понимание темы, так как, подчеркивая важность политической истории, они уделили большое внимание также социально-экономическим процессам, происходившим во французском обществе, главным образом в аграрной сфере. Это в первую очередь относится к работам таких представителей «русской исторической школы», как И.В. Лучицкий и Н.И. Кареев.

В своих работах по истории Великой Французской революции И.В. Лучицкий основное внимание уделял проблеме развития мелкой земельной собственности на землю. Проанализировав большое количество документов провинциальных архивов, главным образом акты продаж, он пришел к выводу, что «к концу XVIII века в руках крестьян, в той или иной форме, находилась большая часть земли...»⁴, что в корне меняло представление о характере землевладения во Франции в XVIII в. Н.И. Кареев выдвинул противоположный тезис. Он полагал, что крестьяне владели лишь 1/3 частью всей земли, да и то совместно с буржуазией⁵. Между двумя исследователями даже завязалась острая дискуссия по данному вопросу.

Многие труды «русской школы» историков, признанные не только в России, но и во Франции, до сих пор не утратили своей актуальности, несмотря на солидный промежуток времени, прошедший с тех пор. Современные историографы регулярно обращаются к их исследованиям в своих работах.

Однако интерес к событиям Великой Французской революции не ограничивался только лишь академической сферой. В 1860-1890-е гг. на страницах различных общественно-политических и литературных журналов выходило много статей, посвященных опыту реформистских и революционных преобразований в мировой истории. Это относится и к указанным нами событиям.

У публицистов существовала определенная преемственность с профессиональными историками в трактовках, и особенно в круге рассматриваемых вопросов. Это напрямую было связано с теми проблемами, которые стояли перед пореформенной Россией. Страна находилась на перепутье между двумя альтернативами: либо дальнейшее углубление реформ, эволюционный путь развития страны, либо революция, насильственная трансформация государства и общества. Вся передовая часть российской интеллигенции была вовлечена в эту борьбу возможных сценариев развития. Большинство участников общественно-политической жизни страны оглядывалось на Запад, стараясь в опыте европейских стран найти ответы на мучавшие их вопросы. В этой связи Франция представляла собой уникальный полигон для проигрывания различных вариантов развития. За неполный век страна пережила четыре революции, создание и падение двух республик и двух империй, пик могущества и глубину национального позора, а также великое множество всевозможных реформ. Ее опыт был действительно огромен и предоставлял разнообразнейший материал для исследователя. К новой истории Франции обращали свои пристальные взгляды и либералы и революционеры⁶, пытаясь соотнести ее опыт с российской действительностью. Великая Французская революция в этом смысле была особенно значима, так как знала обе крайности

Публицисты, как и историки, пытались приложить опыт Франции к российским условиям, уделяли большое внимание развитию политических институтов, попыткам решения аграрного вопроса. Эти вопросы были особенно актуальны в пореформенной России. Реформа 1861 г. не решила полностью проблемы крестьянства, более того, породила новые трудности. Прогрессивная часть российской общественности ждала дальнейшего реформирования и политической системы царской России, надеялась на скорое принятие конституции и создание выборного законодательного органа власти. Не удивительно, что в данной ситуации столь часто обращались к французскому опыту.

Гораздо чаще к теме Великой Французской революции обращались представители радикальных взглядов, печатавшиеся даже в либеральных по своему характеру журналах, таких как «Вестник Европы».

Показательным в этом смысле представляется пример Н.И. Утина, который опубликовал там целую серию статей, посвященных истории Франции XVIII-XIX вв., в первую очередь Великой Французской революции.

К моменту выхода в свет своих статей он прошел путь от народника до марксиста. Его общественно-политическая деятельность началась с участия в студенческих волнениях в Санкт-Петербургском университете в 1861 г. В 1862-63 гг. Н.И. Утин был членом Центрального Комитета «Земли и воли», затем эмигрировал за границу, был заочно приговорен царским правительством к смертной казни. В эмиграции он охладил к народническим идеям и постепенно встал на сторону сторонников марксизма. Более того, Н.И. Утин, знавший идеологию народников изнутри, стал доверенным лицом Карла Маркса в его идеологической борьбе с М.А. Бакуниным за лидерство в I-м Интернационале, организовал и руководил его Русской секцией. Именно тогда он и писал статьи в «Вестник Европы».

Уже в первой своей публикации, «Французские парламентаристы 40-х гг.», Н.И. Утин высказывает несколько интересных мыслей, характеризующих его взгляды. Этот период французской истории (40-е гг. XIX в.), как и российская пореформенная действительность, характеризовался хаосом и «брожением умов». Поэтому автору было удобно их сравнивать. Написанное им применительно к Франции вполне можно соотносить с Россией 1860-х гг. В первую очередь публицист интересовался вопросом о политическом развитии. Он пишет: «Если политическая свобода означает участие народов, значит ее нет там, где ею хотят пользоваться только некоторые классы...»⁷. Широкое народное представительство - вот идеал Н.И. Утина. В дальнейшем он разовьет эту идею. В следующей статье «Последние монтаньяры» автор приводит высказывание матери приговоренного к смерти монтаньяра Гужона, полностью соглашаясь с ее мнением: «...все чрезвычайные учреждения магистратуры всегда поглощали свободу народов»⁸. В работе «Габсбургская семейная переписка в XVIII веке» он, вынося приговор XVIII в., «веку Просвещения», уже прямо вводит термин «общественная инициатива», видя главную ошибку всех реформаторов этого века в том, что они оказались чужды данному понятию⁹.

В своей последней статье «Старая и новая Франция. Централизация и общественная инициатива», носящей, по сути, итоговый характер, Н.И. Утин приводит ряд оценок различным событиям Великой Французской революции, которые вполне можно трактовать и как позицию автора по отношению к реформистской деятельности правительства Александра II. В ней также можно увидеть наиболее желаемый им сценарий будущего развития российского государства. В частности, он окончательно выступил против всяческой централизации власти, видя главную ошибку якобинцев в стремлении к новой революционной централизации, отождествляя ее с политикой французских королей¹⁰. Н.И. Утин прямо писал, что «торжество революции означало торжество представительной системы над режимом ничем не обузданной централизации, и обратно - отклонение от широких начал повсеместного представительства... было верным признаком грядущего падения революции»¹¹. Таким образом, автор видел идеал власти в мерах, предпринимаемых жирондистами во время нахождения у власти (1792-1793 гг.).

Не мог автор статьи пройти и мимо волнующего всю тогдашнюю общественность аграрного вопроса. На примере Франции конца XVIII в. он делает выводы, характеризующие его позицию и по отношению к решению данной проблемы в России. Он пишет: «К какому бы времени ни относилось чрезмерное развитие частной мелкой поземельной собственности, оно одинаково вредно отзываясь на народном благосостоянии, точно также как и частное крупное поземельное владение: первое ведет к батрачеству, к пролетариату, второе к феодализму. Крупная или мелкая поземельная собственность всё равно будут вызывать бури... до тех пор, пока к земледелию не будет приложено новое начало - общинного владения, в смысле артельного»¹². В данном тезисе ярко проявляются революционные взгляды Н. И. Утина. Однако вопросы его волновали те же, что и либеральных историков И. В. Лучицкого и Н. И. Кареева.

Таким образом, российская публицистика занимала важное место в изучении Великой Французской революции. Однако, в отличие от работ профессиональных историков, исследованию произведений публицистов в современной историографии уделяется заметно меньшее внимание.

Библиографические ссылки

¹ Фридендер Г.М. Русская культура и Великая Французская революция XVIII века // Великая Французская революция и русская литература. Л., 1990. С. 9.

² Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. М., 1985. С. 300.

³ См.. Герье В.И. Понятия о власти и о народе в наказах 1789 г. М., 1884; Он же. Идея народовластия и французская революция. М., 1904 и др.

⁴ Лучицкий И.В. Вопрос о крестьянской поземельной собственности во Франции до революции и продаже национальных имуществ. Киев, 1894. С. 10.

⁵ Кареев Н.И. Крестьяне и крестьянский вопрос Франции в последней четверти XVIII века. М., 1879.

⁶ См.. Утин Н.И. (И.Н.) Граф Мирабо и его отношения ко двору // Вестник Европы 1868 № 11. С. 290-323; Он же, Старая и новая Франция. Централизация и общественная инициатива // Вестник Европы 1871. № 3. С. 560-604, Градовский А.Д. Между Робеспьером и Бонапартом // Вестник Европы. 1876. №9. С. 123-160 и др.

⁷ И.Н. Французские парламентаристы 40-х гг // Вестник Европы 1867 Т. 4. С. 85.

⁸ Он же. Последние монтаньяры // Вестник Европы. 1868. № 1. С. 307.

⁹ Он же. Габсбургская семейная переписка в XVIII веке // Вестник Европы. 1868. № 5. С. 291

¹⁰ Он же. Старая и новая Франция. Централизация и общественная инициатива // Вестник Европы. 1871 № 3. С.

¹¹ Там же. С. 15-16.

А.В. Кренида

Вклад И.М. Дьяконова в востоковедную теорию

Одна из характерных черт современной историографической ситуации – пересмотр отношения к прошлому отечественной исторической науки, особенно к ее советскому периоду. Для каждой национальной исторической школы важен вопрос преемственности. В связи с этим представляется актуальной объективная оценка советского периода отечественной историографии во всей его сложности и противоречивости. Одним из подходов к решению этой задачи является анализ жизненного и творческого пути ведущих деятелей советской исторической науки.

К таким ученым принадлежит И.М. Дьяконов (1915-1999 гг.) – выдающийся учёный XX столетия, ведущий исследователь в области Древнего Ближнего Востока. Уже в довоенные годы И.М. Дьяконов публиковал ряд работ, показавших его пристальный интерес к политической, экономической и культурной истории древнего Ближнего Востока. В этот период формируется научный стиль будущего ученого: выход через филологические штудии, интерпретации древних текстов на широкие исторические обобщения.

И.М. Дьяконов внес значительный вклад в изучение общественно-экономической истории Древнего Востока. Ученый привлекал новый клинописный материал из древней Передней Азии, обращался к уже исследовавшимся источникам и от работы к работе расширял представления о характере обществ Древнего Востока. Его монография «Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер»¹ положила начало систематическим исследованиям социально-экономической истории Шумера. Особенно велико значение исследований И.М. Дьяконова по вопросам общины, социальной структуры и государственности на Древнем Востоке. Его исследования изменили представления о природе общины, подтвердили прочность общинного института на Востоке, системный характер внутриобщинных связей, иерархичность общинных структур, дуализм территориальной общины в период становления цивилизации. В годы господства в советской науке рабовладельческой концепции И.М. Дьяконов смело отстаивал тезис о сложности социальной структуры на Древнем Востоке².

И.М. Дьяконов выступил против сложившейся точки зрения о деспотическом характере власти восточных правителей, утверждая факт существования на Востоке более демократических форм устройства государства и общества, чем это считалось до сих пор. Он уточнил характер государственной власти на Востоке, функции правителей, народного собрания и совета старейшин. Разработанная совместно с В.А. Якобсоном типология государственности: «номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи», а также предложенные Дьяконовым классификации хозяйственных секторов, путей развития обществ Древнего Переднего Востока являются общепринятыми

Когда приходится иметь дело с письменными памятниками на мертвых языках, лингвистика и филология играют решающую роль. Поэтому нельзя обойти вниманием филологические и лингвистические работы И.М. Дьяконова. В 1951-52 гг. изданы комментированные переводы всех известных к тому времени текстов на аккадском языке об Урарту³ и – впервые на русском языке – переводы клинописных законодательных памятников⁴. Такое сопоставительное исследование клинописных законодательных памятников было предпринято впервые в мировой науке. Теперь это стало обычной практикой. Чрезвычайно существен вклад И.М. Дьяконова в чтение административно-хозяйственных документов и писем позволяющих заглянуть в повседневную жизнь урартов. Эти открытия позволили И.М. Дьяконову приобрести репутацию одного из крупнейших урартологов современности. В сотрудничестве с иранистами (со старшим братом М.М. Дьяконовым и В.А. Лившицем) в результате многолетней работы была решена проблема языка записей хозяйственного архива из Нисы.

Итогом научной деятельности И. М. Дьяконова стали 30 книг и 500 статей, которые выходили на русском, немецком, английском, персидском языках. У этого ученого не было в нашей стране никаких титулов и званий, кроме обычного для давнего сотрудника академического института звания доктора исторических наук и должностного «чина» главного научного сотрудника. Он не имел профессорского звания, официально читать лекции в университет его не приглашали (неофициально он прочел множество лекций и провел множество семинаров для аспирантов и молодых ученых). У него было много учеников, но число официальных аспирантов и докторантов не дотянуло до необходимого минимума. Несколько раз ЛО, затем СБГО ИВ РАН выдвигал его в АН – и по Отделению истории, и по Отделению языка и литературы, но каждый раз находились более достойные. Издать юбилейный сборник к его 70-летию не разрешили: не по чину... А награды у него все были фронтовые. При И.М. Дьяконов стал членом множества научных обществ, иностранных академий, в числе которых Американская академия искусств и наук. Британская академия, Французское Азиатское общество и другие.

Жизненный путь И.М. Дьяконова отразил особенности поколения, начинавшего трудовую деятельность в предвоенные годы, вынесшего всю тяжесть Великой Отечественной войны, сыгравшего выдающуюся роль в послевоенном развитии страны. Его научная деятельность запечатлела особенности эволюции историографической ситуации в нашей стране: попытка модификации пятичленной концепции